

*В. В. Абанина, аспирант.
Научный руководитель – Е. В. Шедова,
кандидат искусствоведения, доцент*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ДЬЯВОЛА НА ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

Христианские представления о дьяволе, согласно которым он является высшим олицетворением зла и толкает человека на путь духовной гибели, сформировались на основе языческих религиозно-мифологических воззрений. Из недр средневекового религиозного мировоззрения дьявол в начале XII в. проник в светскую культуру. Например, в этот период были популярны анекдоты об одураченном дьяволе, в которых он представал простаком, верящим, что с помощью заключенного и подписанного кровью договора сможет принудить людей исполнить свои обещания.

Первые попытки театрализации данного персонажа связаны с постановками полулитургических драм. На роли представителей нечистой силы священнослужители приглашали светских лиц. Костюмы были несложными – исполнители выворачивали свою одежду наизнанку. Импровизационный характер актерской игры приводил к тому, что сцены с представителями нечистой силы противоречили общему содержанию спектакля, приносили комический элемент в полулитургическую драму.

Дьявол являлся излюбленным персонажем и средневековых мираблей. Самый известный из них – «Чудо о Теофиле» трувера Рютбефа. В мистериях XV–XVI вв. стремление к зрелищности вывело на сцену активно действующего дьявола, который возглавлял целую армию демонов. Современник в 1561 г. отмечал:

«Если драматург хочет понравиться публике, он делает все, чтобы в произведении было как можно больше дьявольщины. Нужно, чтобы дьяволы были уродливыми, кричали, издавали радостные восклицания, умели оскорблять и клясться, а заканчиваться все должно тем, что они с диким воем уносят свою добычу в ад. Сопровождаться все это должно ужасным грохотом» [1, с. 35]. Обманутый, опозоренный и осмеянный Сатана – это своего рода реакция народа на жестокий и устрашающий образ дьявола, навязываемый церковью, способ избавиться от страха перед Лукавым.

В XVI–XVII вв. дьявол являлся одной из центральных фигур в сознании жителей Западной Европы. Отец Реформации М. Лютер писал о нем в книге «Застольные беседы» (1531–1546). Подобные беседы включали шутовские моменты с участием дьявола, которые не только подчеркивали злокозненный аспект действий сатаны, но и видели в демонических силах причину человеческих грехов. Литературные труды М. Лютера дали импульс развитию жанра *Teufelsbuecher* – «бесовские книги» (1545–1604), которые писались лютеранскими пасторами и принимали самые разнообразные формы – проповедь, дидактическая поэма, анекдот, пьеса для театра. В центре внимания авторов были бесы: зависти, танцев, жилища, отвечавшие за пристрастие к модным панталонам-буфф и др. [2].

Следует подчеркнуть, что в период от Реформации до Просвещения (XVI–XVII) литературный образ «адского владыки» и его приближенных и, следовательно, театральное их воплощение, ужесточаются, подчеркивается неспособность человека без помощи Церкви освободиться от влияния представителей демонических сил, а договор с дьяволом практически всегда завершается победой нечистого.

В театральных драмах начала XVII в. дьяволу отводится роль олицетворения темной стороны личности человека. Например, в произведениях У. Шекспира, его герои – Ричард III, Макбет и Яго винят в своих бедах не дьявола, а себя. В конце XVIII в. мысль о поражении Сатаны снова появляется в литературных и театральных произведениях (например, трагедия И. Гете «Фауст»). Вместе с тем в искусстве XVIII в. начался процесс «оправдания» дьявола, поэтизации его образа, который активизировался в XIX в., о чем свидетельствуют литературные произведения того времени («Эссе о дьяволе и демонах» П. Шелли, «Консуэло» Ж. Санд, «Эола, сестра ангелов» А. де Виньи, «Конец Сатаны» В. Гюго и др.).

XX в. привнес новое видение религиозных концепций, благодаря чему возникли многообразие и неоднозначность трактовок и интерпретаций образа дьявола. Ярким примером многозначности данного образа явился спектакль режиссера Г. Грюндгена «Фауст» по пьесе И. Гете (Германия, 1941). В образе Мефистофеля зритель угадывал вождей нацистской Германии. В финале спектакля дьявол предстал страшным существом на костылях, в оборванной одежде, что символизировало разрушительную сущность войны. «Режиссер, ставя спектакль и играя роль Мефистофеля, сам становился новым мессией в облике дьявола и дарил публике сознание приобщенности к собственному величию и избранничеству» [3, с. 175].

Образ дьявольской свиты в спектакле по роману Ф. Достоевского «Бесы» (Краков, 1971) передан режиссером А. Вайдой с помощью символики цвета. Решение ввести в постановку облаченные в черные балахончики фигуры возникло у режиссера под впечатлением от спектакля японского кукольного театра Бурнаку, в котором он увидел служителей сцены куроко, помогающих кукловоду. В трактовке А. Вайды «черные» были не только

«кукловодами», но и притеснителями, насильниками. В первом действии они прятались от света и основной их функцией была смена реквизита. Постепенно «черные» выходили из тени, начинали все более детально «ассистировать» каждой последующей смерти героев спектакля. Режиссер видел в них «бесов каждого из заблудившихся на просторах абсолютной свободы» [3, с. 254].

Мастерство художника-сценографа в спектакле К. Гинкаса по повести А. Чехова «Черный монах» (Московский ТЮЗ, 1999) обусловило мощное по силе эмоционального воздействия на зрителя решение образа дьявола. Сценограф придумал играть спектакль на балконе театра. Сцена тонула во мраке и освещалась лишь тогда, когда на ней, словно в дальнем углу вселенной, являлся бес, дабы искушать и дразнить героя.

В центре спектакля «Дьявол», поставленного режиссером М. Станкевичем (Москва, 2011), – образ крестьянки Степаниды, чувственной, исполненной тайного огня. В глазах главного героя, который не устоял перед соблазном, женщина отождествляется с искушающим его дьяволом.

Образ дьявола нашел свое решение и на белорусской театральной сцене. Так, в спектакле «Comedie la Belarus» (режиссер В. Рудов) черт – это персонаж без имени и определенного пола, в целом натура творческая и авантюрная. Схожие черты имеет образ черта в спектакле «Ночь перед Рождеством» (постановка Н. Пинигина). Он «символизирует искушение, соблазн, является, по представлениям людей, источником нехороших мыслей и дурных идей. Тем не менее это вымышленный сказочный персонаж. Чтобы показать победу добра, кому-то нужно сыграть злодея» [4, с. 24].

В спектакле «Стомлены д'ябал» (режиссер Р. Талипов) дьявол – интеллектуал, знаток философии, сострадает грешнику, «старый и

утомленный, желающий спасти душу белоруса, он грустно вздыхает и, потеряв надежду, ведет его в ад» (перевод наш. – В.А.) [5, с. 226]. А в «Легенде о бедном дьяволе» (постановка Б. Луценко) показан дьявол Рогач, оказавшийся способным на сильные, искренние чувства [6].

Таким образом, историческое развитие европейского театра было тесно связано с религиозным мировоззрением, которое обусловило наличие на театральной сцене множества религиозных сюжетов и образов. Центральными фигурами этих сюжетов являлись Бог и Дьявол. Образ дьявола служил для напоминания о возмездии за грехи и в то же время являлся средоточием комического в средневековом мистериальном театре. В последующие столетия художественный образ дьявола претерпел значительную трансформацию, он поэтизировался, мифологизировался, приобретал черты конкретных исторических личностей. Для современного белорусского театра характерно два способа трактовки образа дьявола. В первом случае дьявол – это мифологизированный, сказочный персонаж, соответствующий традиционным народным представлениям. Во втором случае дьявольское является частью человеческой природы, обуславливающей несовершенство и греховность человека.

---

1. *Минуа, Ж.* Дьявол / Ж. Минуа. – М. : АСТ, 2004. – 62 с.

2. *Мюшембле, Р.* Очерки по истории дьявола : главы из книги / Р. Мюшембле // Новая юность. – 2004. – № 1. – С. 125–158.

3. *Спектакли XX века : сб. очерков / Гос. ин-т искусствознания ; редкол.: А. В. Бартошевич (отв. ред.) [и др.].* – М. : ГИТИС, 2004. – 486 с.

4. *Иванюшко, А.* Черты Павла Харланчука / А. Иванюшко // Минский курьер. – 2011. – № 28. – С. 24–25.

5. *Паміж* Беларуссю і Польшчай : Драматургія Сяргея Кавалева : зб. артыкулаў / пад рэд. А. Ліопа, А. Баровец. – Мінск : Кнігазбор, 2009. – 436 с.

6. *Руднеў, П.* Яшчэ раз пра выратаванне свету / П. Руднеў // Мастацтва. – 2007. – № 10. – С. 22–23.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ